

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2008 г. Д.В. СИЧИНАВА

СИНОНИМИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ЛИНГВИСТИКИ XIX–XXI ВЕКОВ. II. ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЕ ПОДХОДЫ*

1. ТЕОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ КАК ПРЕПОСЫЛКА ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

Привлечением внимания к морфологической синонимии (и в том числе синонимии глагольных категорий) лингвистика конца XX века обязана значительному прогрессу в типологическом исследовании грамматических значений. Если структурализм (особенно дескриптивизм, пренебрегавший семантикой вообще) фактически ставил под сомнение возможность межъязыкового сопоставления схожих грамматических категорий и граммем, то начиная с 1970-х годов возможность обобщений в области семантики глагольных категорий была убедительно продемонстрирована в целом ряде работ, прежде всего в монографиях Бернарда Комри [Comrie 1976; 1985]; из отечественных работ нужно назвать прежде всего «К основаниям сопоставительной аспектологии» и «Очерки по аспектологии» Ю.С. Маслова [Маслов 1978/2004; 1984/2004]. В 1980-е годы получает также новое развитие так называемая теория грамматикализации, согласно которой грамматические показатели в языках мира диахронически восходят к лексическому материалу (а сама грамматикализация, соответственно, может быть определена как «процесс перехода от лексем к грамматическим формативам» [Lehmann 1982/1995: vii]). Об истории понятия грамматикализации (в том числе и в отечественных работах), о сущности этого процесса с семантической и синтаксической точек зрения, о спорах вокруг частных теоретических вопросов и о критике теории грамматикализации ныне и на русском имеется хороший и подробный обзорный очерк в [Майсак 2005: 23–82]. Далее мы обсуждаем по возможности кратко лишь то, что в рамках этой теории имеет непосредственное отношение к нашей проблематике – к синхронному сосуществованию грамматических форм с близкой и тождественной семантикой.

Элементы такого подхода имеются уже в доструктуралистском языкознании (а также в лингвистике более позднего периода, развивавшейся вне структуралистских школ). Они представлены, в частности, в работах таких классиков лингвистики, как В. фон Гумбольдт, А. Мейс (предложивший сам термин «грамматикализация» [Meillet 1912: 131, 133] и определивший ее как «переход от автономного слова к грамматическому элементу»), систематически апеллировавший к грамматикализации при исследовании индоевропейского материала Е. Курилович. В отечественном языкознании одним из первых о «грамматизации» писал (используя этот термин) акад. В.М. Жирмунский. В ра-

* Начало статьи см. ВЯ. 2008. № 3.

боте [Жирмунский 1963/1976: 88]¹ дается такое определение «грамматизации»: она «представляет результат абстрагирования (иногда более, иногда менее полного) от конкретного лексического (предметного) значения, которое первоначально имело служебное слово»; с этой точки зрения анализируются (как «более» или «менее» грамматикализованные) аналитические конструкции европейских языков. Результаты его работ по грамматикализации были опубликованы и на Западе [Žirmunskij 1966] и повлияли на дальнейшие исследования в этой области (ср. [Lehmann 1982/1995: 5–6 et passim]); о проблематике грамматикализации в работах советских лингвистов 1960–1980-х годов (В.Н. Ярцевой, В.Г. Гака, Б.А. Серебренникова и др.) см. в [Майсак 2005: 30–36].

На новый уровень данная проблематика выведена в серии работ, из которой наиболее значительны монографии [Lehmann 1982/1995; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993; Bybee et al. 1994]. В рамках теории грамматикализации П. Хоппером было предложено понятие «наслаивания» («layering»)² – это синхронное сосуществование в языке морфологических единиц, принадлежащих различным этапам грамматикализации, и/или единиц с близкими значениями, возникших параллельно; данная метафора уже существовала в лингвистике (см. подробнее следующий раздел), однако обычно не связывалась с идеей грамматикализации лексических показателей.

Принципиальными для создания новой научной парадигмы стали предпринятые независимо, с привлечением разных методик, типологические исследования [Bybee 1985] и [Dahl 1985], давшие ряд принципиально сходных обобщений относительно корреляции семантики и морфологического устройства; авторы этих исследований выступили с совместной статьей [Bybee, Dahl 1989], в которой представили также и более подробные обобщения относительно диахронической судьбы видо-временных систем. Было, в частности, установлено, что аналогичные видо-временные формы в разных языках образуются путем независимого, типологически устойчивого развития из различного рода лексических источников. В процессе исследований, с одной стороны, Дж. Байби и ее соавторов, а с другой стороны, Э. Даля, подтвердилась возможность развития в одном и том же языке нескольких грамматических показателей одного и того же типа, принципиально близкая независимой грамматикализации лексем в различных языках. Принцип «наслаивания», предложенный Хоппером, включен в понятийный аппарат обобщающей работы [Bybee et al. 1994].

2. «ВАРИАТИВНОСТЬ» И «НАСЛАИВАНИЕ» КАК ФАКТОР(Ы) ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ: РАБОТЫ ЛЕМАНА, ХОППЕРА И ТРАУГОТ

Уже в работе Х. Лемана [Lehmann 1982/1995] обсуждается проблема сосуществования конкурирующих форм в процессе грамматикализации, которая, как отмечает исследователь, ведет к резкому ограничению пространства возможностей выбора средств выражения, к превращению открытых лексических классов в замкнутые парадигмы (так называемые «парадигматизации» [Lehmann 1982/1995: 120]). Подход Лемана к данному явлению сохраняет структуралистские черты: так, возникающая при грамматикализации вариативность, по его мнению, самоустраняется: «Потеря семантических различий в пределах парадигмы может означать, что формы, ранее противопоставленные друг другу, становятся вариантами. Иногда один вариант не совершенно изгоняет другой из языка, но один из них становится закрепленным за одними лексемами, а другой за другими» [Там же]. К диахроническим следствиям конкуренции двух вариантов автор

¹ Здесь и далее цит. по последнему изданию.

² Термин «layering», употребительный в теории грамматикализации, не следует смешивать с термином «layering», употребительным в нидерландской школе функциональной грамматики: так, в [Dik 1997] говорится о «слоевой структуре простого предложения» (layered structure of the clause), где под «слоями», «layers», понимаются различные компоненты предложения («грамматические и лексические модификаторы»), уровни его структуры.

относит алломорфию (которую понимает дескриптивистски, как дополнительное распределение синонимичных морфем) и супплетивизм.

Среди критериев грамматикализации (и степени «грамматикализованности» той или иной морфемы) Х. Леман выделяет «парадигматическую вариативность». Она определяется им как «свобода, с которой говорящий выбирает некоторый знак» [Там же: 123]. Существует два типа такого выбора – между двумя различными элементами некоторой парадигмы («интрапарадигматическая вариативность») и между выраженностью и невыраженностью того или иного грамматического значения («транспарадигматическая вариативность»). Однако Леман подчеркивает, что среди явлений, связанных с интрапарадигматической вариативностью, «интерес для нас представляет не свободное варьирование, а выбор между альтернативами, между которыми имеется противопоставление. Свободное варьирование не коррелирует со степенью грамматикализации и, вероятно, не коррелирует вообще ни с чем, поскольку оно в принципе несистемно. Выбор же между противопоставленными членами парадигмы диктуется грамматикой в той степени, в которой вся данная парадигма грамматикализована. Тем самым по мере усиления грамматикализации интрапарадигматическая вариативность уменьшается» [Там же]. Здесь также очевидны следы структуралистского подхода; интерес представляют и доступны объяснению только системные факты, которые могут быть представлены в виде оппозиции; свободное же варьирование представляет собой языковой хаос, который не может быть сопоставлен ни с каким иным релевантным лингвистическим параметром (а, следовательно, невозможны и связанные с ним типологические обобщения).

Решающий шаг в сторону постструктуралистской трактовки синонимии грамматических форм сделан П.Дж. Хоппером. Феномен синхронного сосуществования диахронически «старых» и «новых» форм, а также сосуществования образовавшихся параллельно форм с близкой дистрибуцией выделен как важный и неотъемлемый фактор грамматикализации в статье [Hopper 1991]; там же для этого явления был предложен получивший распространение в англоязычной лингвистике термин «layering», букв. «наслаивание»³.

Собственно, данный общеязыковой принцип и данная метафора (восходящая к популярной в XIX веке «естественно-научной», конкретнее – «геологической» модели языка) не являются, конечно же, ни в коей мере изобретением Хоппера: о «слоях языка» – элементах, возникших в разное время и сосуществующих в синхронном состоянии – лингвисты писали на протяжении всего столетия, предшествовавшего расцвету теории грамматикализации. Уже у И.А. Бодуэна де Куртенэ, за 120 лет до цитируемой работы, мы находим следующее положение, выступающее частью «принципа генетической объективности»: «Данный язык не родился внезапно, а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды. Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения» [Бодуэн де Куртенэ 1871/1963: 67], а в связи с исследованием речи пациента-афатика Бодуэн говорит: «Как и во всех языках, как вообще во всем, что развивается, в языке В. М-го можно различить наслоения, возникшие в разные периоды времени» [Бодуэн де Куртенэ 1871/1963:

³ Вообще говоря, он отнюдь не общепринят даже в основных работах по грамматикализации, хотя и используется в значительном числе статей, ориентирующихся на теоретический подход Хоппера, Траугот и особенно книги [Bybee et al. 1994]. Не употребляет термина «layering» Э. Даль (неоднократно обсуждающий данную проблематику под другими названиями, особенно в [Dahl 2004]); М. Хаспельмат предпочитает термин «множественная грамматикализация» (см. конец этого раздела), не апеллирует к «наслаиванию» и работы Б. Хайне и соавторов.

145]. Э. Бенвенист, обсуждая синонимию французских глагольных форм, замечает: «Задача состоит, таким образом, в том, чтобы найти в синхронной картине глагольной системы современного французского языка отношения, связывающие различные временные формы. Истинная природа искомым связей приоткрывается в том месте, где, как на горном склоне, глубинные слои выходят на поверхность. Существует точка, в которой система становится непозволительно избыточной; это временно́е выражение “прошедшего”, располагающее двумя формами» и т. п. [Бенвенист 1959/1974: 271]. Заслуга Хоппера заключается скорее в том, что данный принцип поставлен им в непосредственную связь с теорией грамматикализации и оторван от господствовавшего в структуралистский период требования неперемного поиска структурных оппозиций между элементами сосуществующих слоев. Специфическая роль наслаивания, универсального в принципе свойства языка, для принципов грамматикализации сформулирована сотрудницей и соавтором Хоппера, Э.К. Траугот: «Наслаивание важно для грамматикализации в том смысле, что оно позволяет исследователю: а) допускать на ранних этапах языка полисемию, а не омонимию (даже если конструкция *be going to* уже не полисемична, оказывается, что она была таковой на протяжении раннего новоанглийского периода), б) признать, что некоторые показатели, имеющие разные функции в разных контекстах, исторически родственны» [Traugott 2001: 5]. Как увидим, важность данного принципа в контексте эволюции грамматических показателей отнюдь не сводится к этим двум положениям.

Примечательно, что в указанной статье [Hopper 1991], где перечисляется пять принципов грамматикализации, принцип «наслаивания» занимает первое место среди них. Он сформулирован следующим образом: «В пределах некоторой широкой функциональной области постоянно возникают новые слои, при этом старые не обязательно выходят из употребления, но могут сосуществовать и вступать во взаимодействие с новыми слоями» [Там же: 22].

Из дальнейшего следует, что речь идет о полной синонимии и квазисинонимии способов выражения в грамматике: «Принцип наслаивания отсылает к тому капитальному факту, что очень часто в некотором языке существует более одного способа выражения (*technique*) схожих или даже синонимичных функций» [Там же: 23]. Упоминаются и различные степени дополнительной дифференциации этих вариантов, причем учитываются не только семантические, но и социолингвистические параметры: «Они могут ограничиться отдельными лексическими единицами, особенными классами конструкций или социолингвистическими регистрами; они могут иметь незначительно разные значения или попросту признаваться “стилистическими вариантами”» [Там же]. Указывается здесь и на то, что данная ситуация не обязана быть ограничена незначительным «переходным периодом»: «Иногда наслаивание представляет лишь переход от одного способа выражения к другому, но оно может быть также вполне устойчивым» [Там же].

В качестве иллюстрации этого феномена Хоппер приводит фрагмент системы видо-временных показателей английского глагола [Там же], аналогичный список также в [Hopper, Traugott 1993: 125]. Здесь можно выделить несколько различных типов «наслаивания» показателей. К «разнообразию форм и конструкций» Хоппер относит, в частности, дополнительно распределенные полностью синонимичные показатели, которые, например, в традиции дескриптивизма считались бы алломорфами одной морфемы (маркирующие Past Indefinite перегласовка корня вида *take-took* и регулярное окончание правильных глаголов *-ed: look-looked*). Список включает и выражающие близкие значения, но дополнительно никак не распределенные грамматикализованные конструкции, как общего (*keep V-ing – keep on V-ing*), так и различного происхождения (*be -ing – keep -ing*). К примерам «наслаивания» в глагольной системе в [Hopper, Traugott 1993] также отнесено аналитическое будущее (вида *cantare habet*) в поздней латыни, сосуществовавшее сравнительно долго со старым синтетическим футурумом (*cantabit*). Отмечено, что и в английском языке «особенно богато представлены... оттенки “будущего времени”» [Hopper 1991: 23]: конструкции с *will, be going + to, be -ing, be to* и *be about + to*. Важное обобщение здесь делается не только относительно семантики форм, подверженных

«наслаиванию», но и относительно их структуры: «все формы, входящие в последние две группы (аналитические видовые формы и формы будущего времени. – Д.С.), используют перифрастические конструкции, что свойственно самому недавнему слою грамматикализации». Кроме того, «необязательно, чтобы все слои диахронически отличались один от другого»: в качестве примера приводятся конструкции со значением будущего времени *to be + to* и *will + инфинитив*, которые обе существовали в древнеанглийском (и возникли приблизительно одновременно).

Автор делает следующий вывод, полемичный по отношению к структурализму: «Подобное загромождение (cluttering) грамматики функционально схожими конструкциями, которое, возможно, на протяжении долгого времени наследуются из предыдущих состояний языка и даже создаются заново, непросто примирить с представлением о языке как о гомогенном, четко выстроенном и разграниченном объекте» [Hopper 1991: 24].

Дополнительный, более подробный анализ «наслаивания» предпринят П. Хоппером в его совместной с Э.К. Траугот книге [Hopper, Traugott 1993]. Объем этого понятия, как будет видно из дальнейшего, несколько шире, чем рассматриваемое в настоящей работе явление синонимии грамматических показателей. Определение интересующего нас понятия дается следующим образом: «Сохранение более старых форм и значений наряду с более новыми вызывает в любом синхронном срезе эффект, который можно назвать «наслаиванием» или «вариативностью» (variability)» [Hopper, Traugott 1993: 124]. «Наслаивание – это синхронный результат последовательной грамматикализации форм, принадлежащих к одной и той же [функциональной] области. В любом отдельно взятом языке в пределах одной функциональной области имеются значительные синхронные разнообразия» [Там же: 125].

К «наиболее очевидным» случаям наслаивания Хоппер и Траугот относят случаи, когда «сосуществуют полная и редуцированная форма, родственные формально и лишь минимально дифференцированные семантически». Кроме того, может существовать «разнообразие форм и конструкций, выполняющих похожие, хотя и не идентичные, функции» [Там же].

Кроме того, к феномену «наслаивания», согласно Хопперу и Траугот, относится и период сосуществования языковых единиц в процессе диахронического перехода от одной единицы к другой. Сформулированные авторами принципы затрагивают не только проблематику грамматикализации, но и принципы языковой эволюции (диахроническую лингвистику) вообще:

«Старые и новые формы сосуществуют, как с точки зрения отдельных говорящих, так и с точки зрения языкового коллектива, на протяжении времени. По-видимому, А может “стать” В только после промежуточной стадии, в продолжение которой А и В сосуществуют:

$$A > \left\{ \begin{matrix} B \\ A \end{matrix} \right\} > B$$

Подобное сосуществование... может продолжаться на протяжении нескольких сот лет, как в случае показателя *bé* в языке эве или английской конструкции *be going to*. Но оно может быть и очень кратким, как в случае среднеанглийских регрессивных глаголов *stint* и *fin* (примерно означавших ‘бросить делать что-л.’, ‘прекратить делать что-л.’), которые прошли быстрое развитие и быстро вышли из употребления» [Hopper, Traugott 1993: 125].

В этом случае, как ясно из примеров, на которые ссылаются Хоппер и Траугот, – выше они подробно разбирают оба эти случая, – под «наслаиванием» имеется в виду не синонимия нескольких показателей, а именно диахронически обусловленная полисемия одного и того же морфологического материала, который сохраняет и старое лексическое (эве *bé* ‘говорить’, англ. *be going to* ‘идти (прогрессив)'), и новое морфологическое (показатель зависимой предикации *bé* в эве, показатель проспектива *be going to* в ан-

гнийском). Вместе с тем для показателей зависимой предикации в эве (и ряде других языков ква) характерна, как упоминается в той же работе [Там же: 126], также и синхронная синонимия, связанная с различными путями грамматикализации⁴.

Кроме того, обсуждаемый феномен в понимании Хоппера и Траугот относится не только к морфологии, но и к некоторым синтаксическим явлениям, пограничным с морфологией. Таковы, помимо только что упомянутых синонимичных подчинительных союзов в языке эве, также альтернативные – финитная и нефинитная – стратегии кодирования сентенциального актанта в эстонском (тип соотношения, известный очень многим языкам, вида *слуга, подметающий комнату vs. слуга, который подметает комнату*) [Там же: 125–126].

Процесс смены «старого» «новым» представлен авторами так: «В обычном случае грамматикализация не приводит к заполнению какой бы то ни было очевидной функциональной лакуны. Напротив, грамматикализовавшиеся формы конкурируют с уже существующими конструкциями, настолько близкими к ним по функции, что едва ли можно рассматривать объяснение, апеллирующее к «заполнению лакуны» – никакой очевидной лакуны, которую надо было бы заполнить, просто нет... В продолжение любой фазы сосуществования форм существуют некоторые контексты, в которых оба (или все, если их более двух) рассматриваемых типа проявляют четкое прагматическое различие. Часто бывает так, что одна из конкурирующих форм начинает преобладать, и, возможно, ее набор значений включает в себя значения вытесняемых ею форм. Таким образом, исторически преемственные сообщества говорящих на протяжении долгого времени могут поддерживать, путем постоянного обновления форм, некоторую грамматическую категорию – такую, как будущее время, – в то время как в другом сообществе говорящих эта категория так никогда и не появляется» [Там же: 126]. Ср. также краткую формулировку в обзорной статье [Hopper 1996: 230]: «Грамматикализация осуществляется не посредством устранения старых форм и заменой их на новые, но путем заполнения <семантического поля> весьма тонко дифференцированными формами, которые все имеют приблизительно одно и то же значение».

Разумеется, принцип «наслаивания» в понимании Хоппера и Траугот не ограничивается исключительно историей грамматических категорий; здесь можно сослаться на статью одного из соавторов, где она указывает: «Наслаивание – это феномен, связанный со всяким изменением, фонологическим, морфосинтаксическим или семантическим (это попросту принцип вариативности, а в семантике – принцип полисемии); следовательно, в нем нет ничего специфически свойственного однонаправленности <как свойству грамматикализации>» [Traugott 2001: 4].

Одна из синонимичных форм может вытеснить остальные или оттеснить их на маркированную периферию; этот процесс авторы называют «специализацией». «Специализация – процесс сокращения пространства возможностей для выбора грамматической формы, по мере того как значения форм все более и более обобщаются» [Hopper, Traugott 1993: 116].

В качестве примера специализации в [Hopper 1991: 26–27] и [Hopper, Traugott 1993: 116] приводится история показателей отрицания во французском языке. В старофранцузском существовал ряд грамматикализованных показателей «второго» отрицания (употребляющихся после глагола, первоначально как усилитель препозитивного отрицания *ne*, затем обязательно): *pas* ‘шаг’, *point* ‘точка’, *mie* ‘крошка’, *gote* > *goutte* ‘капелька’, *arestes* > *arête* ‘рыбья кость’, *amende* > *amande* ‘миндалина, ядро ореха’ и несколько других; к настоящему времени сохранились только отрицания *pas* и *point*, из которых *pas* нейтрально, а *point* эмфатически маркировано (‘отнюдь’, ‘ничуть’), а также не упо-

⁴ Феномен активного «наслаивания» нескольких конкурирующих грамматических показателей неоднократно описывался в языках группы ква (семья нигер-конго): ср. анализ синонимии результативно-посессивных конструкций эве в [Heine 1997: 130 и сл.], наличие нескольких форм плюсквамперфекта в акан [Dahl 1985].

минаемое нашими авторами *guère* 'не очень, немного' (первоначально 'много', 'очень' без отрицания).

Учитывая феномен «наслаивания», авторы указывают, что «специализация не обязательно влечет за собой устранение альтернатив, но может выражаться просто как текстуальное предпочтение, обусловленное семантическими типами, социолингвистическим контекстом, жанром дискурса и другими факторами» [Hopper, Traugott 1993: 116].

Следует снова отметить, что принцип языкового изменения, согласно которому «новое» не в одночасье приходит на смену «старому», а некоторое время (возможно, долгое) сосуществует и конкурирует с ним, – неоднократно высказывался в языкознании деструктуралистского периода, ориентированном прежде всего на диахронию; напомним, что и сам термин «грамматикализация» возник в рамках этой же традиции (в работах А. Мейе). Мы уже указывали на аналогичные суждения И.А. Бодуэна де Куртенэ; понятие «специализации» заимствовано Хоппером и Траугот, как они и сами указывают, из работ выдающегося французского лингвиста, основателя семантики как самостоятельной лингвистической дисциплины, М. Бреаля.

В качестве же параллели к представлению о языковых изменениях в теории грамматикализации можно привести, например, взгляды на «морфологические» (морфосинтаксические) изменения в языке швейцарского лингвиста начала XX в. А. Сеше. В начале своей научной деятельности – историк языка, впоследствии Сеше стал одним из основателей синхронистического структурализма (и одним из двух «редакторов»-соавторов «Курса общей лингвистики», изданного под именем Ф. де Соссюра). Его книга «Программа и методы теоретической лингвистики» [Sechehaye 1908], наряду с некоторыми идеями, получившими впоследствии развитие в структурализме, содержала и важные наблюдения относительно сущности языковых изменений («эволютивной лингвистики»). Некоторые пассажи из этой работы прямо перекликаются с тем, что мы находим у современных авторов, работающих в рамках теории грамматикализации.

Полемизируя – так же, как и Хоппер и Траугот 85 лет спустя – с теорией, согласно которой морфологические изменения «заполняют лауну» в языке, Сеше говорит: «Можно ли представить себе, что имеется в виду, когда говорят, что язык якобы создает новый способ выражения для замены им другого, вышедшего из употребления? Это предполагает идею лауны, которую оставило нечто существовавшее и больше не существующее, и обдуманый поиск средств, чтобы эту лауну заполнить – и то и другое явно противоречит психологическому правдоподобию» [Сеше 2003: 147].

Далее этот тезис развивается на конкретном примере: «Утверждают, что закон падения конечных безударных слогов вызвал в романских языках исчезновение падежных окончаний имени, и что это привело к созданию новых синтаксических средств: употребления определенных предлогов и фиксированного порядка подлежащего и дополнений относительно глагола. Но что касается употребления предлогов, всякому известно, что оно существовало гораздо ранее падения окончаний. Предлоги уже употреблялись в классической латыни, и их использование сочеталось с использованием падежей; лишь в народной латыни употребление тех предлогов, которым предстояло заменить падежи, становилось мало-помалу регулярным. <...> Из этого следует, что словоизменение еще существовало как формальная система, однако его роль была сведена к достаточно бесполезному дублированию предлога, который сам по себе четко выражал падежное отношение. <...> Задолго до того, как исчезло само воспоминание о различных косвенных падежах латинского языка, их собственное значение было утрачено. Их роль всецело переняли предлоги, и именно ненужность падежей, представлявших собой избыточное усложнение грамматики, и повлекла их исчезновение. <...> Разумеется, это явление доступно нашему прямому наблюдению лишь в письменном языке, но это не ставит под сомнение наш вывод о том, что в тот момент, когда склонение исчезло, его заместитель уже был найден» [Сеше 2003: 147–149].

Здесь идет речь именно о длительном периоде конкуренции двух синонимичных конструкций, а языковое изменение трактуется как отказ от старой конструкции, которая

становится избыточной. Таким образом, теоретические обобщения, выявленные еще традиционным историческим языкознанием, сохраняют свою силу и в рамках теории грамматикализации. В 2004 г. Э. Даль в своей книге «Рост и поддержание языковой сложности» возвращается к проблематике языковых изменений и, в частности, к аргументации Хоппера и Траугот против «идеи лакуны»; здесь мы видим даже в точности тот же самый пример, что и у Сеше сто лет назад: «В литературе распространение новой конструкции или формы часто связывают с коммуникативными потребностями говорящего. При этом часто утверждается, что старая конструкция уходит со сцены до того, как является новая: например, падежные окончания исчезают и вместо них должны появиться предлоги... Прежде всего, если конструкции, о которых идет речь, действительно нужны для коммуникации, как же говорящие на этом языке обходятся без них в промежуточный период?» [Dahl 2004: 125].

В более ранней работе, чем обсуждаемая книга Даля, М. Хаспельмат [Haspelmath 2000] также подробно критикует «теорию лакун» и, в частности, обсуждает феномен «наслаивания» (в статье используется термин «множественная грамматикализация», *multiple grammaticalization*) как контраргумент против такого подхода, причем приводит и примечательные положения общетеоретического характера. «Лингвисты нередко думают о грамматических элементах как о членах множества неизменных платоновских идей, которые язык может выражать либо не выражать. Но такой подход не только не оправдывает необычайно четкие различия между похожими категориями в разных языках, но и не объясняет, почему грамматикализация постоянно создает конструкции, более старое средство выражения которых уже существует в том же языке и не проявляет признаков вымирания» [Там же: 792]. В качестве примеров приводятся, в частности, старая и новые формы будущего в английском и французском, аорист и имперфект, сосуществующий с перфективом и имперфективом в болгарском, а также старые и новые согласовательные показатели в итальянских диалектах. Все эти случаи показывают, что нормальным механизмом смены моделей является их конкуренция, а не период «междоцарствия», когда старое средство выражения пропало, например, вследствие фонетической редукции (как предполагали и оппоненты Сеше, и оппоненты Хаспельмата), а новое средство выражения еще не отыскалось.

Теоретические исследования 1980-х годов, исходной точкой которых послужила диахроническая эволюция, создающая грамматические показатели, – получили решительную поддержку в исследованиях, исходной точкой которой послужила синхронная типология глагольных систем.

3. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ТИПОЛОГИИ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Теоретические принципы грамматической типологии, независимо (с использованием разных методик) выработанные в монографиях [Dahl 1985] и [Bybee 1985], а затем развитые в совместной статье этих авторов [Bybee, Dahl 1989] и книге [Bybee et al. 1994], названы одним из них «подход Байби–Даля» («V&D approach», [Dahl 2000: 6–8]). Согласно Э. Дально, данный подход «отличается от большинства других исследований времени и аспекта тем, что в качестве основных единиц описания выступают не “категория времени” и “категория аспекта”, а то, что мы называем грамматическими показателями (*grams*), то есть такие явления, как прогрессив в английском, *passé simple* во французском и т.п.» [Там же: 7]. «Как правило, грамматические показатели, которые традиционно были бы отнесены к одной и той же категории, ведут себя совершенно различным образом в зависимости от того, каким образом они выражены в языке» [Там же].

Другим важным понятием, используемым при данном подходе, является «тип грамматического показателя в языках мира» (*crosslinguistic gram type*), который, однако, не представляет собой элемента некоторого абсолютизированного универсального «алфавита грамматических показателей», но, скорее, статистически наиболее вероятные области в пространстве «грамматических возможностей» [Там же]. Здесь демонстрируется также и связь «подхода Байби–Даля» с теорией грамматикализации: тип грамматиче-

ского показателя можно также рассматривать как «стабильные участки на пути развития, которые показатели проходят в процессе грамматикализации» [Там же].

Проблема синонимии грамматических категорий входит в число теоретических проблем, затронутых уже в работе [Dahl 1985], одной из основополагающих в рамках данного подхода. В число методологических установок своего исследования, проводившегося при помощи специально разработанных анкет, Э. Даль включает требование поверхностного анализа (*superficiality*): «Действительно, мы старались сделать наш анализ как можно более “поверхностным” в том смысле, что во всех случаях, когда перед нами при идентификации категорий стоял выбор между критерием значения и критерием выражения, мы выбирали последний. Иными словами, если две формы, как казалось, имели одну и ту же семантику, хотя и различались по выражению, мы предпочитали разделять их. Причиной этого было то, что отождествив две, на первый взгляд, семантически идентичные категории, мы могли в действительности скрыть различия, которые выявились бы по мере проведения более глубокого анализа. В качестве примера можно привести такие языки, как немецкий, где различные вспомогательные глаголы (*haben* и *sein*) используются при образовании перфекта от различных глаголов. Отождествить эти два типа перфекта – значило бы скрыть тот факт, что выбор между ними в действительности зависит от семантических критериев» [Dahl 1985: 46–47]. Здесь целью Даля является дополнительная дифференциация форм с одинаковым базовым значением (= квазисинонимов), в том числе и дополнительно распределенных⁵; однако такая методология исключает пропуск или намеренное игнорирование синонимических (как полностью, так и частично) форм глагольной парадигмы. И действительно, материал его исследования включает некоторое количество форм с одинаковым базовым значением – как дифференцированных, так и полностью синонимичных.

Следующими шагами в теоретическом осмыслении грамматических синонимов стала уже упоминавшаяся работа [Bybee, Dahl 1989] и посвященная грамматикализации глагольных форм монография [Bybee et al. 1994], где дополнительно подкреплены некоторые обобщения, полученные в первой из названных работ. Здесь указан важный теоретический принцип, согласно которому «теория грамматикализации в том виде, в каком мы ее здесь излагаем, предсказывает отсутствие корреляции между структурными и семантическими классами; действительно, если каждый показатель проходит путь развития в соответствии со своим изначальным значением, то он развивается независимо от других показателей» [Bybee, Dahl 1989: 61]. Таким образом, отвергается жесткая зависимость грамматической семантики от структурных отношений в рамках системы. На ряде примеров – две перфектные конструкции в германских языках, несколько показателей семантической зоны будущего в английском языке – формулируется принципиальное положение о том, что при конкуренции нескольких путей грамматикализации в одном и том же языке возможна «частичная конвергенция показателей из различных источников» [Там же: 96] – иными словами, несколько возникающих параллельно показателей в ходе семантического обобщения сближаются по значению и образуют несколько синонимичных форм (возможно, с дифференциацией или даже дополнительным распределением).

---

⁵ Заметим, что в действительности некоторые синонимичные формы с дополнительным распределением Даль все же исключает из своего анализа. Обсуждая проблемы установления соответствий между «ярлыками», приписываемыми тем или иным контекстам видо-временной анкеты, и «видо-временными категориями», автор указывает, что в некоторых случаях он вынужден был устранить из рассматриваемого материала одну из двух параллельных форм; парадоксальным образом речь идет в точности о том же примере, который обсуждался им выше: «Я обнаружил, что следует несколько модифицировать четкий принцип поверхностного анализа, упомянутый на с. 46: это касается языков, где имеется лексически обусловленный выбор между несколькими вспомогательными глаголами, маркирующими Перфект. Чтобы получить категории, более подходящие для типологического сравнения, я решил свести (*reduce*) их к одной категории для каждого языка» [Dahl 1985: 53].

Среди основных выводов статьи – «на одном этапе в одном и том же языке могут существовать грамматические показатели, близкие друг к другу семантически; например, не является необычным то, что некоторый язык имеет более одного показателя со значениями, связанными с будущим» [Там же: 96].

Специальный теоретический параграф посвящен обсуждаемому явлению в [Bybee et al. 1994: 8]. Дж. Байби, Р. Перкинс и В. Пальюка принимают понятие «наслаивания» (*layering*), введенное П. Хоппером, и считают его одним из главных факторов эволюции морфологических систем. Более четко, чем в работе 1989 года, подчеркивается роль семантического обобщения в развитии синонимичных форм: «Грамматическим классам также свойственно дальнейшее сокращение объема. <...> Это заметно в таких случаях, как конкуренция в английском языке между *shall* и *will*, которые принадлежат к одному и тому же классу и выполняют схожие функции. В американском английском *will* в значительной части вытеснило *shall*. Подобное развитие представляется следствием семантического обобщения. Когда значение некоторого грамматического показателя обобщается, он становится допустимым в контекстах, где ранее, возможно, уже употреблялся другой показатель» [Bybee et al. 1994: 20]. Наиболее типичным следствием такого развития является квазисинонимия: «Действительно, особенно в таких областях, как выражение будущего времени и модальности, нередким случаем является множество грамматикализованных и грамматикализирующихся конструкций разного возраста и из разных источников, которые делят пересекающиеся зоны или ведут конкурентную борьбу за них» [Там же].

Несмотря на конкуренцию, ведущую к дополнительной дифференциации и/или конвергенции форм, глагольные системы с синонимией подобных форм являются достаточно устойчивыми. «Наши данные ясно показывают, что в одном языке может быть более одного грамматического показателя, представляющего один и тот же тип грамматических показателей, например, будущее. Английский язык, располагающий тремя будущими – *will*, *shall* и *going to* – с этой точки зрения скорее типичный, чем нетипичный пример» [Там же]. Байби и ее соавторы также указывают, что «развитие нового показателя не зависит от утери или изменения функции его предшественников, как часто предполагается при традиционном подходе к (языковым) изменениям» [Там же: 20]. Полная дифференциация таких пар совершенно не обязательна: «контрасты между грамматическими показателями могут и не представлять собой максимальные контрасты» [Там же: 174].

Естественным выводом из вышесказанного является утверждение принципиального сходства синонимических отношений, устанавливаемых на множестве грамматических показателей, с одной стороны, и единиц иных языковых уровней, с другой стороны. Это заставляет пересмотреть традиционный взгляд, согласно которому система структурных различий является для грамматических значений – в отличие от всех прочих – фундаментальным характеризующим свойством (хотя тот очевидный факт, что грамматическим значениям в языках мира действительно присуща большая структурированность сравнительно с иными, под сомнение не ставится): «Подобное богатство множественных грамматических показателей напоминает то, каким образом референциальное пространство может делиться в данной области между кластерами лексических единиц, альтернативными фразовыми идиомами и даже альтернативными синтаксическими структурами; существование нескольких грамматикализаций на одном и том же пути и сохранение лексического содержания предыдущих этапов – вот две причины, побуждающие нас рассматривать “систему” или “структуру” скорее как эпифеноменальную, чем основную по отношению к природе грамматической субстанции и выражения. <...> Теперь должно быть ясно, что мы выступаем не столько за исследование “структуры” выражения грамматических значений в языке, сколько за исследование того, каким образом в различных языках возникает грамматическое значение и выражение, что помогает понять свойства, внутренне присущие естественному языку» [Bybee et al. 1994: 20–21].

В практической части этой работы приводится – в различных разделах – несколько десятков пар (а иногда и троек, и четверок) синонимичных глагольных форм в языках

мира; базовое и дополнительное употребления грамматического показателя при этом разграничены, и указывается, какие дополнительные (вторичные) употребления развивает большинство рассматриваемых показателей. В случае совпадения базовых употреблений, при том, что дополнительные употребления расходятся, речь, в наших терминах, идет о квазисинонимии. Поскольку, однако, указанное исследование опирается не на анкетирование информантов, а на различные существующие описания, степень подробности, семантической ориентированности и адекватности которых может существенно варьировать, отсутствие указаний на распределение дополнительных значений той или иной пары форм еще не говорит об их полной синонимии; в этом случае осторожнее говорить также о квазисинонимии (см. выше). В связи с некоторыми типами грамматических показателей эксплицитно указывается, в частности, что для этих типов особо характерно наличие более одной соответствующей формы в одном и том же языке; кроме уже неоднократно обсуждавшегося будущего времени и родственных значений, отметим прогрессив [Bybee et al. 1994: 149] и перфект, не развивающий дополнительных значений, так называемый «молодой перфект» [Там же]; список показателей – [Там же: 65–66].

Важные теоретические утверждения, связанные с синхронным «наслаиванием» грамматических показателей, образовавшихся из общего источника или принадлежащих к одному и тому же типу, содержатся в работе [Dahl 2000], представляющей собой введение к коллективной монографии «Время и вид в языках Европы» [Dahl (ed.) 2000].

В этой статье Э. Даль эксплицитно противопоставляет подход, основанный на грамматикализации, традиционному структуралистскому подходу, опирающемуся на понятие морфемы и описывающему ее семантику в соответствии с противопоставлениями, существующими внутри данной системы. «Подход, базирующийся на грамматикализации, стремится прежде всего подчеркнуть существенное сходство – как в плане выражения, так и в плане содержания – между грамматическим материалом различных языков. Внутрисистемные отношения, характеризующие данный элемент, будут рассматриваться как вытекающие скорее из внутренних свойств данного элемента, чем из чего бы то ни было еще» [Dahl 2000: 13]. Следовательно, не всегда оказывается возможным и желательным установить жесткие противопоставления между членами системы: «Процесс грамматикализации обыкновенно приводит к положению дел, которое непросто поддается описанию в терминах бинарных оппозиций. Так, грамматические показатели проявляют тенденцию распространяться волнообразно и, метафорически говоря, догоняют друг друга на пути развития. Если и можно говорить об “оппозиции” между более старым и более молодым показателем на одном и том же пути грамматикализации, это скорее вторичный эффект позиции показателей относительно друг друга. Действительно, из-за многомерности процесса грамматикализации, в некоторых случаях нельзя установить системного семантического различия между двумя подобными показателями» [Там же].

Кроме того, в этой же статье вводится связанное с диахроническими последствиями синонимии глагольных показателей понятие «показателя-пончика» (doughnut gram)⁶ с «пустой серединой» – не имеющего прототипических (базовых) использований, которые уже заняты новым показателем. Подобные граммемы «достаточно частотны; они возникают в процессе грамматикализации в тех случаях, когда один или несколько показателей образуются из одного и того же источника в различный период. Центральные значения старшей граммемы захватываются младшей, однако периферия ее сохраняется на некоторое время. Типичный случай – прогрессивы, превращающиеся в имперфективы и затем уступающие прежнюю свою территорию для образования новых прогрессивов. В результате возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда прогрессив уже не имеет употреблений, свойственных для прогрессива» [Dahl 2000: 10]. Грамматические показатели, согласно Э. Далю, представляют собой частный случай

⁶ Данная метафора взята Далем из работы [Ketner 1993].

т.н. остаточных показателей (*residual grams*), «семантическая область которых сокращена вследствие вторжения некоторого другого показателя». Нередко подобные показатели формируют заново базовое значение взамен утраченного: «то, что в прежней ситуации было вторичным употреблением, становится первичным» [Там же].

В отечественной лингвистике с точки зрения теоретического осмысления грамматической синонимии можно отметить, в частности, анализ синонимии нескольких форм будущего времени в багвалинском языке, предпринятый Т.А. Майсаком и С.Г. Татевосовым и сформулированные в этой связи теоретические положения [Майсак, Татевосов 2001], опирающиеся на «подход Байби–Даля». Авторы отмечают, что «в рамках структуралистского подхода к грамматическому значению ожидается, что... образующие систему единицы стремятся к максимальному контрасту и что всегда существует хотя бы один диагностический контекст, который позволяет выявить этот контраст. Обнаружения языковых данных, подобных будущим временам в багвалинском языке, в рамках этой системы допущений о свойствах грамматического значения не ожидается» [Там же: 286]. Подчеркивается, что система допущений, принятая в теории грамматикализации, напротив, «не вводит ограничений на дистрибуцию категорий, “обслуживающих” одну и ту же семантическую область, и появление единиц с пересекающейся или даже совпадающей дистрибуцией не является неожиданным» [Там же]. Авторы формулируют также типологические закономерности (отчасти эти формулировки восходят к цитированным выше работам) относительно того, какие глагольные формы чаще других вступают в синонимические отношения: «разные области грамматического значения в разной степени склонны к появлению синонимичных частно-языковых категорий. Интенсивная синонимия в сфере глагольных значений наблюдается в первую очередь среди категорий, выражающих модальность и временную референцию к будущему. Напротив, категории, ассоциированные с временной референцией к прошлому, в большей степени склонны к формированию семантических контрастов» [Там же].

Таким образом, фундаментальные исследования, предпринятые в рамках грамматической типологии, особо выделяют грамматическую синонимию как одно из основных явлений, релевантных для изучения видо-временных значений в языках мира с теоретической точки зрения; в рамках этих исследований уже накоплен и значительный фактический материал, отражающий корреляции между явлением грамматической синонимии и определенным типом показателей, синхронные и диахронические свойства таких пар и т.п.

4. «КОНКУРЕНЦИЯ МОДЕЛЕЙ» В ТЕОРИИ «ЯЗЫКОВОЙ СЛОЖНОСТИ» ЭСТЕНА ДАЛЯ

Феномен сосуществования «старых» и «новых» грамматических форм со схожими значениями играет важную роль в концепции «языковой сложности», изложенной в недавней монографии Даля [Dahl 2004]⁷, которая представляет собой плод его двадцатилетних трудов. Данная работа достаточно подробно анализирует типологию этого явления и опирается на последние достижения (в том числе и самого автора) в области теории грамматикализации, однако учитывает и положения, сформулированные в рамках более ранних подходов (в том числе структуралистских). Соответствующий раздел книги Э. Даля – наиболее содержательное в существующей литературе обсуждение проблематики, рассматриваемой в настоящей работе.

Здесь рассматривается уже не просто эволюция конкретных грамматических форм, а становление и развитие всей грамматической системы языка, связанное с развитием и поддержанием информационной «сложности» языка. Под «сложностью» понимается нелинейное соответствие между планом выражения и планом содержания, включая и

⁷ В настоящее время в печати находится подготовленный нами русский перевод этой работы (Э. Даль. Возникновение и сохранение языковой сложности).

наличие значительного числа обязательных (грамматических в понимании Якобсона) единиц, дублирующих информацию, уже выраженную в высказывании, а также разного рода нетривиальное устройство подобных единиц – «системная сложность»: различные типы словоизменения, несегментные единицы, многообразие моделей словообразования [Dahl 2004: 40–45 и сл.].

Положение дел, которое нарушается, в частности, синонимией и омонимией, но и языковой сложностью в целом – это так называемая «упорядоченность» (order), или максимальная информативность, при которой «каждая форма имеет только одно значение, и наоборот» [Dahl 2004: 19]; прямо противоположная ситуация – это «беспорядок» (disorder), или максимальная энтропия, где любая форма может иметь любое значение; «очевидно, что естественные языки располагаются где-то посередине», но в общем случае «порядок менее вероятен, чем беспорядок» [Там же: 20]. Каждая система содержит элементы как порядка, так и беспорядка, причем типологическим обобщениям более поддаются первые, нежели вторые, ибо пространство возможностей для упорядочивания, разумеется, гораздо меньше, чем для различного рода нарушений идеализированной ситуации; в этой связи Даль даже цитирует первое предложение из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого. Всякое изменение в языке, согласно Далю, так или иначе предполагает увеличение степени «беспорядка»; из этого можно сделать вывод, согласно которому переходные состояния языка «несчастливы» каждое «по-своему», и типологическое исследование едва ли может его затрагивать.

Синхронная синонимия грамматических единиц рассматривается как элемент диахронического процесса «созревания» (maturation) определенных грамматических паттернов (patterns). Периоду «распространения паттерна» (постепенному употреблению во все большем количестве контекстов и семантическому стиранию первоначального значения) сопутствует конкуренция сосуществующих паттернов за определенную нишу (метафора, взятая из биологической теории эволюции, [Dahl 2004: 77–78]) в языке, заканчивающаяся рано или поздно – но не непременно рано – «упорядочением» («регуляцией») таких паттернов. Если некоторая языковая единица распространяет свою семантику на некоторое достаточно распространенное значение *X* – например, будущее время, – «в нормальном случае в языке уже имеется некоторый способ выражения той же пропозиции» [Там же: 120]. Исходным положением системы здесь является ситуация, в которой два паттерна *P1* и *P2* «синонимичны (по крайней мере с точки зрения условий истинности) за исключением того, что *P2* используется при некоторых ограниченных условиях» [Там же: 121–122]. Затем в ходе «распространения» паттерна *P2* он проходит «риторическую инфляцию» и перестает нести характерный для него оттенок информации; к числу примеров подобного изменения Даль относит, в частности, и эволюцию перфекта в сторону простого прошедшего – он теряет свойственную данной категории характеристику неопределенности времени события [Там же: 123].

В качестве особых условий появления синонимичных форм Даль указывает и принцип «выхода из положения» (problem solving); новый способ выражения возникает там, где старый по каким-либо морфологическим или синтаксическим причинам уже неприменим; хотя Даль и присоединяется к вековой критике давней гипотезы, согласно которой нововведения в языке «заполняют лакуну» ([Dahl 2004: 125], см. об этом также выше, раздел 2), он признает, что в известных случаях подобные факторы и имеют объяснительную силу. Например, в шведском языке аналитическая форма сравнительной степени образуется в основном от суффиксальных адъективов, в которых существующий суффикс «блокирует» добавление нового. В этой связи он вспоминает, между прочим, и радикально-структуралистский «блокирующий принцип» Эроноффа и последователей [Там же: 97, 126], рассматривая его на частном примере «запрета» на порождение неправильной глагольной формы в английском языке, если в языке уже имеется регулярная.

Итак, в языке увеличивается «варьирование» (variation) и уменьшается степень «упорядоченности»: рост употребительности одной и той же формы ведет к падению употребительности другой, равнодействующая с точки зрения системы здесь равна нулю (zero-sum game); однако на этом изменение не обязательно заканчивается. «Упорядочение паттернов ведет либо к совершенному исчезновению из данной ниши одного или не-

скольких более старых паттернов, либо установлению тотального или частичного разделения труда между новыми и старыми паттернами. Таким образом, варьирование ограничивается, а порядок увеличивается» [Dahl 2004: 120].

Даль особо выделяет важный принцип, согласно которому возможные диахронические последствия конкуренции в одной и той же нише двух разных грамматических паттернов могут привести к созданию новых границ внутри этой ниши, в результате чего, на первый взгляд, «на ровном месте» (*out of thin air*) появляются новые грамматические различия, а система продолжает усложняться [Там же: 120–121].

Выделяется, таким образом, три типа диахронического развития «конкуренции паттернов» в одной и той же нише [Там же: 128]:

- (1) стабильная ситуация свободного варьирования паттернов («ничего не меняется»);
- (2) «победа» нового паттерна, вытесняющего старые;
- (3) «перемирие» (*truce*), то есть разграничение в функциях между сосуществующими паттернами.

Ситуация (1), однако, сравнительно редко представляет собой пример совершенно свободного выбора – как правило, употребление той или иной из конкурирующих форм определяется дополнительными стилистическими и прагматическими факторами, если не прямо денотативным элементом значения. «Грамматические системы, – по-видимому, в особенности глагольные, – изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода; в случаях, когда выбор между конкурентами делается исходя из семантических факторов, это часто факторы очень тонкого и зыбкого (*elusive*) характера» [Dahl 2004: 129]. В качестве примера Даль приводит анализ способов выражения будущего времени в европейских языках и конкуренцию между перфектом и старым простым прошедшим как в тех языках, где последнее уже вытеснено новой формой, так и в тех, где указанные формы находятся в состоянии стабильного сосуществования.

Э. Даль подчеркивает, что подобные явления не вписываются в жестко структуралистский анализ: «Ситуации конкуренции, подобные упомянутым здесь, трудно соотнести со структуралистским идеалом системы четких оппозиций, “*où tout se tient*”⁸. Так, что касается способа маркирования будущего времени в романских языках, то, как кажется, нет однозначного семантического разграничения между синтетической формой и перифрастическими оборотами, хотя можно показать, что существует множество семантических факторов, влияющих на выбор между ними. Например, едва ли можно утверждать, что удаленность во времени – часть семантики синтетического будущего во французском языке, хотя, несомненно, есть тенденция употреблять его скорее для отдаленного, чем для близкого будущего» [Там же: 129–130]. Другой обсуждаемый пример подобной неопределенной ситуации – выбор между краткой и полной формой прилагательного в предикативной функции в русском языке – также определяется множеством семантических, грамматических и стилистических факторов. Характерная черта этих «многофакторных тенденций» (термин наш) – неустойчивость: «Только в том случае, когда два паттерна употребляются в одинаковой нише, выбор между ними может быть связан с семантическими и стилистическими эффектами. Поэтому такие эффекты достаточно неуловимы и нестабильны; они не существовали до того, как в нише появился новый паттерн, и если ему будет суждена дальнейшая экспансия и захват всей ниши, они исчезнут снова» [Dahl 2004: 131].

«Разграничение функций» между старым и новым паттерном может выражаться, в частности, в установлении четкой пограничной линии внутри множества лексем; таким образом, в часть лексем новый паттерн не проникает вовсе; на этой границе «процесс

---

⁸ Знаменитая краткая парафраза соссюрианского структурализма: «*chaque langue forme un systeme ou tout se tient*» («каждый язык образует систему, где всё (=все элементы) поддерживает друг друга»). Она, однако, не принадлежит самому де Соссюру (и даже, по крайней мере, не содержится в изданном под его именем «Курсе общей лингвистики»), а сформулирована занимавшим независимую по отношению к структурализму позицию А. Мейе [Meillet 1937: 475], который пишет о знаменитом «Мемуаре о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» де Соссюра.

грамматикализации может на долгое время – возможно, на несколько веков – затормозиться» [Там же: 131–132]. В качестве примера приводятся синтетическая и аналитическая форма сравнительной степени прилагательного, лексическая граница между которыми проходит в различных европейских языках по-разному. Иногда такое разграничение ведет к тому, что некоторая конструкция, первоначально употреблявшаяся в большем количестве контекстов, становится обязательной для некоторых из них, но недопустимой в других – «это можно сравнить с перемирием, согласно которому две армии, сражавшиеся на всем пространстве некоторой территории, отступают на известные позиции и делят эту территорию между собой» [Там же: 133]. Такая стратегия является контрпримером к часто делаемому утверждению об однонаправленности и необратимости (unidirectionality) процесса грамматикализации (соответствующие положения восходят к работам Хоппера, см. об этой проблематике [Haspelmath 2004], там же и соответствующая библиография) поскольку в данном случае конструкция как раз отстывает с «завоеванных» было позиций. Кроме того, разграничение может затронуть и набор значений конкурирующих форм; нередко одна из них утрачивает базовое значение и оставляет только вторичные – это феномен «категории с пустой серединой», который уже обсуждался выше (см. раздел 3).

В обсуждаемой работе [Dahl 2004] идет речь также и о резком сокращении альтернативных показателей по мере обобщения значения и тем самым сужения грамматической «ниши» («специализации» по Бреалю), которое также является необходимой составной частью «упорядочения» паттернов как грамматических способов выражения.

На смену «упорядочению» паттернов приходит «адаптация» – то есть уменьшение фонетической избыточности (verbosity) кода: морфологизация, переразложение, переход от аналитизма к синтетическим показателям и схожие процессы [Там же: 157–174].

Таким образом, процесс «конкуренции паттернов» рассматривается как обязательный элемент становления новых грамматических способов выражения. Выделяется – на обширном типологическом материале – целый ряд характерных его признаков, таких, как неустойчивость предпочтений между конкурирующими формами (определяемых не столько денотативной семантикой, сколько достаточно тонкими различиями прагматического и стилистического характера), возможность стабильного разграничения синонимичных старой и новых форм, зависимость подобного процесса от лексического наполнения конкурирующих конструкций. Наконец, несмотря на постоянные отсылки к «блокирующему принципу», к «боязни синонимов» в языке, признается возможность достаточно долгого существования жестко не разграниченных (кроме как при помощи вышеупомянутых предпочтений неустойчивого характера) грамматических синонимов; «подобный тип конкуренции между грамматическими паттернами является скорее правилом, чем исключением» [Dahl 2004: 131].

Вместе с тем Э. Даль относит подобное явление к «беспорядку» в языке, с трудом поддающемуся типологическому обобщению (в отличие от «островов стабильности» в виде более четко структурируемых элементов синхронного языкового состояния). В частности, высказано только одно – причем без аргументации и некатегоричное – утверждение относительно предпочтения тех или иных фрагментов грамматической системы языка к формированию грамматической синонимии («Грамматические системы, – по-видимому, в особенности глагольные, – изобилуют конкурирующими конструкциями или формами подобного рода»).

5. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В ДРУГИХ ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИХ ТЕОРИЯХ: БИСИНХРОНИЯ, ВАРИАЦИОНИЗМ, ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Проблема грамматической синонимии, или «варьирования» формы при неизменном (базовом) содержании, ставится и в некоторых других лингвистических направлениях XX – начала XXI века; кратко обсудим их достижения, релевантные для проблематики нашей работы.

С начала 1980-х годов во французской славистике выдвигалась идея необходимости анализа языковых явлений при учете двух временных планов истории языка – иными

словами, отдельного рассмотрения и сопоставления явлений, демонстрирующих в синхронном срезе семантическую близость, но возникших на различных этапах диахронического развития. В этом подходе (так называемой «бисинхронии», *l'approche bisynchrone*) заметно сходство с принятым в теории грамматикализации принципом «наслаивания». Он предложен славистом П. Гардом в 1981 году; Гард предлагает говорить о «бисинхронии» в тех случаях, когда «в пределах одного и того же синхронного состояния факты соответствуют двум различным моделям, которые в действительности представляют собой проекцию на синхронный план эволюции старой модели по направлению к новой» (цит. по [Robillard 2001: 13]). В рамках указанного подхода наиболее активно работает М. Гиро-Вебер, которая, в частности, применяла его к семантическому анализу кратких и полных прилагательных в русском языке [Guiraud-Weber 1993] (как типичный феномен грамматической синонимии форма прилагательного в русском языке рассматривается, например, в [Dahl 2004: 130–131]).

Специально ставит в фокус внимания «варьирование» языка группа лингвистов (преимущественно американских и канадских), направление которых так и называется – вариационизм (*Variationist Linguistics*). Полемизируя со структурализмом (и с генеративной морфологией в версии Эроноффа и его продолжателей), вариационисты утверждают, что семантическая (в их терминологии нередко – «функциональная») эквивалентность широко представлена на уровнях языка «выше фонологии и за пределами ее» (*above and beyond phonology* [Sankoff 1973]). Большое внимание здесь уделяется изучению не столько грамматической семантики – хотя и такие исследования имеют место – а социолингвистических и территориальных вариантов языка. Действительно, это направление по своему генезису достаточно тесно связано с социолингвистикой, прежде всего с работами У. Лабова. Развиваясь первоначально независимо от типологии глагольных систем и теории грамматикализации, вариационизм обнаруживает в последнее время точки сближения с этими направлениями исследований. Ряд авторов, работающих в русле вариационистского подхода, в последнее время под влиянием работы [Bybee et al. 1994] апеллирует к понятиям грамматикализации (в том числе параллельной грамматикализации разных лексических источников) и «наслаивания» (*layering*): это характерно, например, для работ канадской исследовательницы С. Тальямонте [Tagliamonte 2000] и ее мексиканской коллеги Р. Торрес Какоульос [Torres Casoullous 1999; 2001].

В [Tagliamonte 2000] автор анализирует глаголы со значением «посессивного результата» *have*, *have got* и *got* одновременно как показатели, отражающие различные стадии грамматикализации, и как маркеры разных социолингвистических регистров языка («разновидностей английского»). Здесь же указано и на то, что диахроническое развитие формы подразумевает ее специализацию, и по мере прогресса языкового изменения грамматические ограничения на дистрибуцию синонимичных форм растут (таким образом, получается переключка, например, с концепцией «языкового созревания» Э. Даля).

Диссертация [Torres Casoullous 1999] и основанная на ней статья того же автора [Torres Casoullous 2001] посвящена грамматикализации конкурирующих конструкций со значением прогрессива (актуально-длительного вида) в испанском языке и его латиноамериканских вариантах, причем активно используется понятийный аппарат как вариационизма, так и теории грамматикализации. Здесь показано, что по мере того как с увеличением степени грамматикализации теряются остатки лексического значения грамматических показателей (например, *estar*, первоначально ‘стоять’, и *andar*, первоначально ‘ходить’, начинают безразлично употребляться в одних и тех же контекстах), они могут употребляться как показатели того или иного социолингвистического регистра (так, в мексиканском испанском *estar* служит сигналом языка образованного и городского общества, в то время как прогрессив с *andar* характерен для простонародной и деревенской речи).

В получившей известность на рубеже веков лингвистической «теории оптимальности» (предложенной в 1993 году фонологом А. Принсом и специалистом по когнитивным процессам П. Смоленским; см. краткое введение в нее [Gilbers, de Hoop 1998]) недавно появилась особая работа, посвященная соотношению «варьирования формы» (т.е. синонимии) и «варьирования значения» (т.е. омонимии) в грамматике [de Hoop et al.

2004]. Здесь обсуждаются в основном синтаксические явления (связанные с проблемами кодирования актантов и порядка слов). Но некоторые морфологические показатели также привлечены в качестве примеров, и опять-таки речь идет о латиноамериканском испанском прогрессиве – на сей раз как о «маркированном» синониме имперфекта.

Теория оптимальности утверждает, что грамматика состоит из системы ограничений на языковую правильность (принцип, неоднократно предлагавшийся в рамках генеративизма применительно к ограничениям на синтаксическую структуру), которые могут вступать в конфликт друг с другом, причем для таких случаев предусмотрена система приоритета (иерархия) этих ограничивающих правил. Из нескольких потенциально возможных поверхностных способов выражения выбирается лучше всего соответствующий сочетанию ограничений, так называемый «оптимальный» языковой элемент. В рамках «теории оптимальности» де Хооп и соавторы фактически «открывают заново» принцип «асимметричного дуализма» по Карцевскому и развивают его, сформулировав две дополняющие друг друга гипотезы. Первая касается омонимии/полисемии: «В тех случаях, когда нет варьирования формы (или оно уменьшается), налицо варьирование значения (или оно увеличивается)» [de Hoop et al. 2004: 1073]. Вторая затрагивает уже синонимию и выглядит полностью симметрично: «В тех случаях, когда нет варьирования значения (или оно уменьшается), налицо варьирование формы (или оно увеличивается)» [Там же: 1076]. Таким образом, сокращение варьирования одного из компонентов двустороннего языкового знака (единства формы и значения) влечет увеличение варьирования в другом компоненте. Авторы статьи эксплицитно критикуют «принцип блокирования» и «боязни синонимов» по Эроноффу–Вильямсу (см. предыдущую часть нашего обзора, раздел 5), утверждая, что контраст между синонимичными формами (или синтаксическими средствами выражения) проявляется в основном при рассмотрении примеров вне контекста; контекст, как правило, легко нейтрализует такие различия (ср. схожие идеи у Е. И. Шендельс, раздел 6 предыдущей части нашего обзора (см. ВЯ. 2008. № 3). Таким образом, вполне возможно соотношение между формой и содержанием «две формы – одна семантика» («two-to-one mapping»); некоторые типы формальной и семантической маркированности (ключевое понятие для теории оптимальности), сопровождающие такую синонимию, и обсуждаются в статье де Хооп и соавторов (а также в некоторых других работах этого тематического номера журнала «Lingua»).

Таким образом, понятие грамматической синонимии продолжает активно осмысляться в лингвистике рубежа XX и XXI веков в рамках самых различных постструктуралистских теорий; предпринимаются и попытки (на наш взгляд, удачные) синтеза различных подходов (например, в исследовании прогрессива в испанском языке [Torres Casouillos 1999] и объединяющем «вариационистский» подход канадской школы и теорию грамматикализации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист 1959/1974 – Э. Бенвенист. *Отношения времени во французском глаголе (1959)* // Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М., 1974.
- Бодуэн де Куртене 1871/1963 – И.А. Бодуэн де Куртене. *Некоторые общие замечания о языкеведении и языке* // И.А. Бодуэн де Куртене. *Избранные труды по общему языкознанию*. М., 1963.
- Бодуэн де Куртене 1886/1963 – И.А. Бодуэн де Куртене. *Из патологии и эмбриологии языка* // И.А. Бодуэн де Куртене. *Избранные труды по общему языкознанию*. М., 1963.
- Жирмунский 1963/1976 – В.М. Жирмунский. *Об аналитических конструкциях* // В.М. Жирмунский. *Общее и германское языкознание*. Л., 1976.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М., 2005.
- Майсак, Татевосов 2001 – Т.А. Майсак, С.Г. Татевосов. *Время* // А.Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари*. М., 2001.
- Маслов 1978/2004 – Ю.С. Маслов. *К основаниям сопоставительной аспектологии* // *Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания*. Вып. 1. *Вопросы сопоставительной аспектологии*. Л., 1978.
- Маслов 1984/2004 – Ю.С. Маслов. *Очерки по аспектологии*. Л., 1984.

- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.
- Сеше 2003 – А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. М., 2003.
- Bybee 1985 – J. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Bybee, Dahl 1989 – J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies of language. V. 13–1. 1989.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Comrie 1985 – B. Comrie. Tense. Cambridge, 1985.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Dahl (ed.) 2000 – Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000.
- Dahl 2000 – Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York, 2000.
- Dahl 2004 – Ö. Dahl. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.
- Dik 1997 – S. Dik. The theory of functional grammar. V. 2. Berlin, 1997.
- Gilbers, de Hoop 1998 – D. Gilbers, H. de Hoop. Conflicting constraints: An introduction to optimality theory // Lingua. V. 104. 1998.
- Guiraud-Weber 1993 – M. Guiraud-Weber. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // RESL. V. LXV, № 1. 1993.
- Haspelmath 2000 – M. Haspelmath. The relevance of extravagance: a reply to Bart Geurts // Linguistics. V. 38. № 4. 2000.
- Haspelmath 2004 – M. Haspelmath. On directionality in language change with particular reference to grammaticalization // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). Up and down the cline – the nature of grammaticalization. Amsterdam, 2004.
- Heine 1997 – B. Heine. Possession: Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge, 1997.
- Heine et al. 1991 – B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. Grammaticalization: a conceptual Framework. Chicago, 1991.
- de Hoop et al. 2004 – H. de Hoop, M. Haverkort, M. van den Noort. Variation in form versus variation in meaning // Lingua. V. 114. 2004.
- Hopper 1991 – P.J. Hopper. On some properties of grammaticization // E. Traugott, B. Heine (eds.). Approaches to grammaticalization. V. 1. Amsterdam, 1991.
- Hopper 1996 – P.J. Hopper. Some recent trends in grammaticalization. Annual Review of Anthropology 25. 1996.
- Hopper, Traugott 1993 – P.J. Hopper, E.C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Kemmer 1993 – S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Lehmann 1982/1995 – C. Lehmann. Thoughts on grammaticalization. Munchen, 1995 (1st ed., 1982).
- Meillet 1912 – A. Meillet. L'évolution des formes grammaticales // Scientia (Rivista di scienza). 12 (26). 1912; цит. по перепеч.: A. Meillet. Linguistique historique et linguistique generale, Paris, 1921.
- Meillet 1937 – A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1937.
- Robillard 2001 – D. de Robillard. Peut-on construire les «faits linguistiques» comme chaotiques? Quelques éléments de réflexion pour amorcer le débat // Marges linguistiques. 2001, № 1.
- Sankoff 1973 – G. Sankoff. Above and beyond phonology in variable rules // C.-J.N. Bailey, Roger Shuy (eds.). New ways of analyzing variation in English. Washington, 1973.
- Sechehaye 1908 – A. Sechehaye. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Paris, 1908. (Русск. пер.: А. Сеше. Программа и методы теоретической лингвистики. М., 2003).
- Tagliamonte 2000 – S. Tagliamonte. The grammaticalisation of the PRESENT PERFECT in English: Tracks of change and continuity in a linguistic enclave // O. Fischer, A. Rosenbach, D. Stein (eds.). Pathways of change – grammaticalization in English. Berlin, 2000.
- Torres Cacoullos 1999 – R. Torres Cacoullos. Grammaticalization, stylistic variation, and language contact: a study of Spanish progressive *-ndo* constructions. PhD dissertation. The University of New Mexico, 1999.
- Torres Cacoullos 2001 – R. Torres Cacoullos. From lexical to grammatical to social meaning // Language in Society. 30. 2001.
- Traugott 2001 – E.C. Traugott. Legitimate counterexamples to unidirectionality. Paper presented at Freiburg university, October 17th 2001. (www.stanford.edu/~traugott/papers/Freiburg.Unidirect.pdf)
- Žirmunskij 1966 – V.M. Žirmunskij. The word and its boundaries // Linguistics. V. 27. 1966.